

Яков КРИВОНОСОВ

ОТСЕЧЕННЫЕ ВЕТВИ

Кооперация, на которую мы сегодня возлагаем большие надежды, еще до революции прошла в России долгий и мучительный путь становления. У зарождающегося движения были свои теоретики и практики, герои и мученики. Одним из таких можно по праву назвать Н. Т. Изюмченко, человека необычайной судьбы и оригинального мышления.

«Коммунист я до мозга костей, — писал он в своих воспоминаниях, — и коммунист не столько марксистского и ленинского толка, сколько христианского, но не того, правда, которое проповедают нам попы и папы с их дикофилософской обстановкой, а христианства, соответствующего духу нашего времени в смысле стоицизма, главным образом».

По происхождению он был из крестьян Курской губернии. Родился около 1866 года.

С идеями кооперации он познакомился в тюрьме, куда был заключен за отказ от военной службы. Кооперация и стала делом всей его последующей жизни.

По прибытии в ссылку Изюмченко «отдался всецело мысли о кооперативном строительстве, горячо взялся за это дело. Удалось организовать пять-шесть рыбопромышленных артелей». Дело пошло бойко. И тут энтузиаста кооперации ждет препятствие, о котором позднее разбивались многие начинания кооператоров в России. «Рыбпромышленнику Полякову не понравилась наша работа». Конечно, кому будет по нраву, если появляется конкурент и отбивает не такую уж многочисленную в условиях Севера артель профессиональных рыбаков.

«Поляков стал слать на меня доносы томскому губернатору. Меня выслали в Сургут, прибавили к трем годам ссылки еще три». В Сургуте он опять занялся организацией артелей, но развернуться ему не дали, а три года еще добавили.

После девятилетней ссылки Изюмченко появляется на Алтае. В 1902 году он поселяется в с. Фирсове, неподалеку от Барнаула. Отсюда пешком часто ходит в город, знакомится с рабочими, приобретает среди них недюжинный авторитет. Об этом свидетельствует хотя бы такой факт. В 1925 году рабочие, первые организато-

ры кооперативов и профессиональных объединений, решили отметить десятилетие своего движения. И первый, кого они вспомнили и стали разыскивать, был Изюмченко. Его обнаружили на Дальнем Востоке, пригласили на торжество. И он, тогда уже человек весьма преклонного возраста, приехал в Барнаул. Один из организаторов празднования А. Черных записал со слов Изюмченко его биографию. Интересно, что озаглавил он ее так: «Изюмченко, как первый организатор рабочих».

К тому времени, судя по всему, мировоззрение Изюмченко сложилось. Он определял свои взгляды как «философию жизни».

Все в этом мире «я и бог, бытие и космос» слитно, имеет внутреннее единство.

«Сменяемость... не имеет ни начала, ни конца...»

«Через непрерывные сдвиги в общественно-хозяйственной жизни народы будут идти все дальше по пути своего природного назначения, вплоть до социализма, где не будет уже ни ссор, ни драк, не будет ни моего, ни твоего».

Не в этом ли ненасильственном переходе от одних форм хозяйствования к другим и есть суть культурного кооперирования?

В 1907 году Изюмченко с семьей пимокатами создали первое в Барнауле потребительское общество «Свечка». Первоначальный капитал — 37 рублей. Затем в общество включались другие рабочие — всего около 30 человек. Собрали взносы, и появилась кооперативная лавка. Купцы и лавочники сперва посмеивались, но когда дело наладилось и народ пошел в лавку, а члены кооператива — рабочие — стали покупать продукты и товары на льготных условиях, и купцы начали понимать — если это дело разовьется, они могут не выдержать конкуренции. В конце концов лавку прикрыли. Николай Изюмченко снова в тюрьме, а через год и два месяца — в ссылке, на севере Томской губернии.

А трудовая артель пимокатов действовала всю зиму 1906—1907 годов. По воспоминаниям артельного рабочего С. Я. Меньшикова, небольшой коллектив

пимокатов работал в специально построенной мастерской на усадьбе пимоката Константина Кирилловича Варламова. Поскольку у артельщиков средств на закупку шерсти не было, заказчики или приобретали сами шерсть, или платили вперед.

По весне пимокатный сезон кончился, и эти же рабочие, владея специальностями печников, строителей, уходили на другие работы.

Постепенно идеи кооперации пробивают дорогу. В 1910—1911 годах уже действовали артели пимокатов «Кустарь», строителей, металлистов, каменщиков, живописцев «Луч», позолотчиков «Деятель», потребительское общество «Труженик». Губернские органы начали официальную регистрацию артелей.

В 1911 году томским губернатором утверждены уставы строительной артели «Труд», пимокатов «Кустарь», иконостасников-позолотчиков «Деятель».

В одном из первых уставов артели каменщиков, которая существовала в 1909—1912 годах, было записано:

«Мы все, давшие подписку, согласились работать артельно на следующих условиях:

1. Все заработанные деньги делить между членами артели поровну.

2. Все дела, касающиеся артели, а также приемка новых членов в артель, решается на общем собрании равным и тайным голосованием.

3. Общим собранием избираются заведующие работами, которым на работах должны подчиняться беспрекословно.

4. Подряды может брать только вся артель через посредство своих уполномоченных.

5. Инструмент у артели должен быть общий...»

Здесь, как видим, заложен коммунистический принцип распределения доходов, который позднее назвали «уравниловкой», а современная экономическая наука и у нас, и за рубежом считает его не только неэффективным, но и порочным. Он отвергается с ходу.

Наверно, это обосновано. Но всякая истина, превращаемая в аксиому, может стать своей противоположностью, основой несправедливых и абсурдных решений. Мне самому приходилось работать во временных рыболовческих коллективах, где всегда раздел улова производился поровну, это была старинная традиция, и ни у кого мысли не возникало о ее несправедливости.

Еще более древняя традиция существовала столетиями у горно-алтайских охотников, живущих вблизи Телецкого озера. Ученые, исследовавшие отношения в группах охотников, отправляющихся на долгое время в тайгу, с удивлением убеждались, что несмотря на разный возраст охотников — от старика до подростка, на различную вооруженность и неодинаковые орудия лова, на несравнимые результаты охоты членов коллектива, добытая пушнина делилась ими поровну. А ведь лишней соболь — это не рыбешка. На первый взгляд, мужчина среднего возраста, хороший ходок и стрелок, должен быть в обиде. Подросток только учится стрелять,

повадки зверя хуже знает, старик вообще не стрелок, только капканами да ловушками вблизи избушки пробавляется — далеко он не ходок. Но давайте приглядимся к их компании повнимательнее.

Старик — знаток охоты, за ним многолетний незаменимый опыт. Ведь в горах год на год не приходится. Старый охотник лучше всех знает где, когда и как ловить бить зверя. Он выбирает место, он ведет группу, заботится о более целесообразной ее экипировке, о том, сколько и каких брать припасов, как одеться, обуаться. Он раньше всех встает и готовит пищу. Подросток сбегает к ручью за водой, натаскает сушкина. Дело самого добычливого встать, поесть и отправляться в лес. Вернется стрелок — старик шкурки умело снимает, мастерак распялит для просушки. Оба они — и мужчина и старик — выполняют еще одну важнейшую обязанность — учат молодежь, учат не только хорошо стрелять, налаживать полевой быт, лечить, готовить, но и учат жизни в коллективе. Не случайно, видно, веками жил этот отшлифованный многими поколениями способ коллективного промысла.

Но надо отметить, в последующие годы развития артелей все большее число их начало переходить на оплату по труду.

Одна из причин, почему рабочие массами в предреволюционные годы хлынули в кооперативы, — лучшая, чем где-либо, социальная защищенность. При артелях создавались кассы взаимопомощи. Та же артель каменщиков, устав которой цитировался, три процента всех заработанных денег резервировала на случай увечья, безработицы.

В преамбуле устава Барнаульской артели каменщиков, печников и производителей разного рода строительного дела «Труд» было записано:

Артель «имеет целью содействовать объединению лиц исключительно строительных профессий для совместного исполнения личными силами участников работ с одинаковой взаимной выгодой, развитие знаний строительного дела у своих членов, содействие к поднятию умственного и нравственного уровня их и улучшение материальных условий жизни как самих членов, так и их семейств».

Нельзя не подчеркнуть замечательное стремление рабочих не только к совместному труду, но и к полезному, духовно значимому досугу. Потребительским обществом «Труженик» в 1910 году была открыта на Пушкинской улице Барнаула чайная и читальня с библиотекой, где кроме художественных книг была литература о практике кооперативного движения.

Было еще одно полезное следствие кооперативного движения. Сразу после февральской революции в Барнауле, как грибы после хороших дождей, стали возникать и разрастаться рабочие профсоюзы. Многие из них основывались на базе кооперативов, так что первое время даже трудно было различить, где, к примеру, граница между артелью и профсоюзом строителей, пимокатов.

Попытка рассмотрения послереволюционной кооперации как экспериментальной,

альтернативной формы жизнеустройства, может показаться спорной, вызвать возражения. Ведь до недавнего времени коллективизация, по крайней мере, для села, утверждалась как магистральная, единственно правильная дорога социалистического развития.

Тем не менее, документы свидетельствуют: многие плодоносные ветви кооперативного движения, бурно разросшиеся в двадцатые годы, были насильственно и несправедливо отсечены.

В течение этих лет шел сложный многообразный процесс со сращивания, то разделения, то переплетения потребительской, промышленной и сельскохозяйственной кооперации, вовлечение в этот водоворот или отторжение индивидуального, частного сектора.

Одной из главных утрат потребительской или торговой кооперации по сравнению с первыми послереволюционными годами можно считать коренное изменение ее сути.

В одном из материалов Алтайского губкома партии, относящемся к 1920 году, содержится безмянный ответ на заданный на совещании по работе в деревне вопрос: что такое торговая кооперация?

«Она есть сообщество граждан, которые решили сообща закупать товары и распределять между собой, преследующее не наживу, а полное и равномерное удовлетворение своих членов. Если раньше, до революции, — разязялось в ответе, — всякий вступающий должен был вносить пай, и кто больше вносил, тот больше и доходов получал, то теперь беднота, которая не имеет денег, может быть освобождена от взносов и «богатый элемент», идущий туда за наживой, удаляется из кооперативов».

В обстановке еще неопределенной разлуки и дефицита товаров кооперативам отводилась и роль организатора более справедливого распределения.

В первые годы Советской власти партийные органы пытались утверждать широкий демократизм и принцип сугубой добровольности по отношению к кооперации и коллективизации. Но и здесь играли роль не указы, а творчество и изобретательность самого народа.

К 1926 году в Чумышском (ныне Заринском) районе было коммун — 7, сельхозартелей — 3, товариществ по совместной обработке земли — 10, машинных товариществ — 78, льноводческих — 5, семеноводческих — 2, каменоломная артель, союз охотников.

В Косихинском районе в 1929 году было 9 коммун, 34 машинных товарищества, 26 полеводческих, 10 льноводческих, одно коневодческое, одно мелiorативное товарищества. Кроме того, семь комитетов крестьянской взаимопомощи, которые в целях социального обеспечения так же коллективно засевали хлеба. Была здесь еще и кустопромартель «Заря», перерабатывающая кожи животных.

Всего к концу двадцатых годов по Барнаульскому округу было 364 различных товарищества, в числе которых, кроме упомянутых, огородные, овощеводческие, пче-

ловодческие, птично-яичные, животноводческие.

Распространенной формой объединения была «супрага», когда два или несколько дворов объединяли рабочий скот и инвентарь для полевых работ.

Газета «Красный Алтай» писала: «Число простейших сельскохозяйственных объединений с каждым годом растет. Беднота и середняк на опыте убедились, что ведение коллективного хозяйствования требует наименьшей затраты рабочей силы и больше приносит дохода».

О том, что такое машинное товарищество, дают представление материалы обследования товарищества «Культурник» из села Черемного Павловского района, проведенного в ноябре 1926 года. Здесь по инициативе бедняка Василия Лаврентьевича Верещагина объединились семьи А. М. Попова, П. Т. Кузнецова, И. Е. Сергеева и И. Н. Киселева. Внеся пай по 10 рублей, они купили в кредит на райгосскладе дисковую сеялку. Засевая поочередно свои 60 десятин хлеба, сдавали сеялку в аренду. Кроме того, посеяли 3,5 десятины на общие нужды товарищества. Встав на ноги, решили купить плуги, сенокосилку, конные грабли, а потом и молотилку.

И таких товариществ было множество. Что дал этот взлет кооперативного движения? Вот только заголовки из сообщений Каменской окружной газеты «Наша деревня», которые сегодня могли бы быть сенсацией: «Панкрушиха и Англия», «Сибирское масло на выставках в Лондоне». А было это 10 января 1927 года. Алтай через систему кооперации продавал масло многим странам Европы, как это было и до революции.

Мода на валенки возвратилась. Сибирь-матушка не шутит.

Мое поколение захватило деревню на закате кустарных промыслов. Помню, что в каждом селе был свой пимокат, часто и не один. И у каждого свой почерк, свои заказчики. Если тебе требуются крепкие пимы для работы, чтоб сносу не было, вези шерсть к Ивану Петровичу. Он мощный мужчина, добавит побольше кислоты, приложит усилия, сделает плотнее. А к Василию Проконьевичу идут старики. Он катает хотя не очень носки, зато мягкие, уютные пимы, в таких по избе шаркать, большие ноги отдыхают. Ну, а если ты молодой да форсистый — в дальнюю деревню поезжай к знаменитому Пантелею Никаноричу. У него колодочки точеные, с выским каблукком.

Были в селах и другие промыслы. Мать рассказывала, почти в каждой деревне была маслобойка и здесь из твоего продукта тебе собьют подсолнечное, конопляное или ореховое (кедровое), а то и маковое масло.

Наверно, маковое масло «нынешнему поколению советских людей» уже не пробовать. А вот масло из поджаренных подсолнечных семечек есть приходилось, могу засвидетельствовать: по сравнению с нынешним рафинированным, без вкуса и запаха, этим маслом можно было угощаться как лакомством.

В наших алтайских деревнях не было особой нужды в отхожих промыслах — земли хватало, почти каждый крестьянин, кроме своего извечного хлебобобового дела, был дока в каком-либо ремесле.

Мой дед по отцу сапоги тачал, был шорником (мастером по конской сбруе). Дед по матери — коновал, то есть лекарь животных. Бабушка Марфа еще на моей памяти строчила на машинке «Зингер» пальто, поллучаки, в общем, одежду.

На чердаке нашего дома в послевоенное время стоял фанерный ящичек со странными кривыми ножиками, разнокалиберными щипчиками и зажимами, глиняными бутылками из-под лекарств.

Рядом корзина деда и отца с кожаными обрезками, деревянными колодками, корбочками с колками (березовые гвоздики). При отсутствии обуви я соорудил себе фантастические сапоги, комбинируя мужские голенища с женскими разбитыми ботами.

Однажды, уже в послевоенное время, к нам зашел председатель колхоза. Он стал сетовать: верховым лошадям посбивали до струльев спины. Все из-за того, что за войну износились все потники — кошма, которую подстилали под седла на спины коней. И закончил председатель уговорами: не сможет ли моя мать попробовать скатать такие потники? Мать долго отнекивалась: ведь она никогда не катала, только видела, как дед это делал, да и то давным-давно.

Председатель настаивал. Матери пришлось согласиться.

Нам привезли несколько мешков шерсти. Потом по просьбе матери появились женщины и много дней «теребили» эту шерсть, то есть каждый клочок растеребивали в пух.

Раньше, по рассказам матери, дед делал это при помощи примитивной шерстобитки. У нас в кладовке хранилась «струна» — круто завитая высушенная баранья кишка и шелаболка — деревянный, залоснившийся от употребления крючок, похожий на толстую единицу. Струну натягивали, приводили в колебательное состояние, дергая шелаболкой, и бросали на нее шерсть, которая вибрацией взбивалась в пух. Была даже песенка:

Шерстобиты, пимокаты,
Не живут они богато.
Шерсть-то бьют, пимы катают,
Шелаболками болтают.

Взбитую шерсть мы с матерью разложили как можно ровнее на холстине, сшитой в виде простыней. Мать вспомнила, как дед делал рисунки на кошке, и по черной выстеленной шерсти выложила белый узор, а в центре — инициалы председателя, так как предполагала, что первый потник, если он выйдет, будет за ним. Все это закрыли другой холстиной, подвернули и подшили края и потом осторожно скатали в рулон. Натопили баню и понесли заготовку туда. Дальнейший процесс заключался в том, чтобы поливать рулон как можно более горячей водой и катать его

на полке. Тут нужна была мужская сила. А ее-то и не было. К тому же, как мать вспоминала, в воду надо было добавить какой-то кислоты. Ее тоже не было. Но потник, в конце концов, получился. Правда, был он рыхлым и непрочным. Тем не менее мы еще долго, чуть ли не целую зиму, катали потники. Из своей шерсти был скатан потник и нам с братишкой с нашими именами по центру, и мы с удовольствием спали на нем, подстелив на горячую печь.

Это был последний звонок уходящего кошмовального ремесла.

По данным Томского кустарного комитета (Алтай входил в Томскую губернию), в пределах Алтая было в 1913 году 1370 кустарей-пимокатов. Отсюда в Томск, Иркутск, Читу, Благовещенск вывозилось до 250 тысяч пар пимов.

Активно развивалась кустарная промышленность и в первые годы Советской власти, создавались рабочие трудовые артели.

В 1923 году было открыто Алтайское агентство Всекоопромсоюза — Всероссийского союза промышленной кооперации. В 1924 году в Барнауле в его составе действовали артели: пимокатов «Труд», шубников «Искра», смолокуров «Слава», а также «Веревочник», «Шапочник».

О массовом характере кустарного производства убедительно говорит справка Усть-Пристанского райкома партии за сентябрь—ноябрь 1924 года. В районе в то время было 52 селения. В них работало 113 кузниц, 3 крупорушки, 33 просорушки, 33 водяных мельницы, 35 ветряных мельниц, 2 кооперативных паровых мельниц, 14 конезаводов, 14 маслобоек, 5 сырзаводов, 21 маслозавод, 13 гончарных мастерских, 23 овчинных, 6 жестяных, 22 шерстобитки, 79 смолокурных, 24 столярных, 39 сапожных, 28 портных, 29 пимокатных мастерских, кирпичный и литейный заводы. Как сообщается в информации, кустари не только обеспечивали потребность жителей района, но часть продукции даже продавали через кооперацию.

К 1928 году в Барнаульском округе было 3 тысячи кустарей в городе и 12800 на селе.

К этому времени в Барнауле к названным выше прибавились артели: извозчиков «Однолошадник», рыбаков «Единение — сила», кошмовалов «Алтай» и «Победа», шапочников «Красный Октябрь», кирпичников «Сила», обувщиков «Алтайский скоростной», кроме того «Игла», «Пекарь», «Питание», «Алтайский пимокат».

Так как артели эти были малочисленными, многие функции они передавали объединенному Промсоюзу, который организовывал красный уголок, где были ликбезы, выпускались живые и стенные газеты, проводились семейные вечера, детские утренники, экскурсии, выписывались газеты и журналы, ставились спектакли. Здесь же была библиотека, которая создавала передвижки в артелях. Промсоюз имел своих стипендиатов в специальных учебных заведениях, выплачивал пособия по безработице, помогал семьям артельщиков, призванным в армию, выделял деньги детско-

му дому, по нынешнему — занимался благотворительностью.

Как видим, промсоюзы переняли от до-революционных рабочих кооперативов их опыт социальной защиты своих членов, что не могло не привлечь к ним симпатий кустарей.

Однако в тридцатые годы роль этих артелей тускнеет в связи с ужесточением политики их огосударствления: твердые планы, строгость инструкции по использованию финансовых средств, «типовые» штаты, полное лишение инициативы.

Самостоятельность и демократизм организации вошли в противоречие с командной системой и были сведены до нуля.

Характерен такой случай. Уже при Н. С. Хрущеве предпринята была попытка оживить промкооперацию. В наш край нагрянула комиссия по проверке краевого промсоюза. Она обнаружила, что отчеты и выборы здесь не проводились с тридцатых годов и не могла установить, когда и кем назначено руководство Крайпромсоюза. Реанимировать промсоюзы тогда не удалось.

Да особых усилий в этом направлении и не предпринималось. Распространилось мнение: кустаря якобы не могут конкурировать с современным производством ни по качеству продукции, ни по ее себестоимости, ни по организации труда.

Истина в этом есть. Но ведь это не значит, что надо немедленно разгонять кооперативы, как было сделано, причем сделано в условиях огромного дефицита и спроса на товары народного потребления, которые и сегодня не удовлетворены «конкурентноспособной» промышленностью.

Как это было, попытаюсь показать на примере необычной промартели «Свет» («Леек»).

Мое знакомство с удивительной и трагической судьбой этой промартели произошло в детстве.

Каждую осень мать с нашей помощью выкладывала из кирпича на широкой лавке маленькую печурку. Накрывалась она чугунной плитой с двумя конфорками, а впереди вмазывалась такая же литая дверца. Печурка делалась для экономии топлива. Русская печь топилась по утрам, и к ночи ветхая изба выстуживалась. К вечеру мы загружали печурку собранной за огородами польностью или «обедьями» — остатками овечьих трапез. Плитка и дверца быстро накалялись, и в полумраке комнаты, освещенной тусклым самодельным светильником, четко рисовался ярко-красный четырехугольник, на котором загорались огненные буквы «Алтайский металл» — так называлась артель в последние годы существования.

Из рассказов матери я знал, что делались эти дверцы, а также сковородки и вьюшки, в двадцати верстах от нашего поселка, в селе «Эстония». Жили там переселенцы. Зимой, когда на Чарыше становился лед, эстонцы торили прямой путь через наши места до станции Шипуново. Свидетелем этому была тяжеленная чугунная «чушка» — слиток, когда-то упавший с проезжавшего обоза, что лежал у нашего крыльца. На нем мы выпрямляли ржа-

вые гвозди и острили наконечники самодельных стрел.

Село «Эстония» образовано в конце прошлого века. Кроме извечного крестьянского труда, эстонцы умело владели плотницким топором, кузнечным и сапожным инструментами, чем славился в округе.

Ко времени Октябрьской революции здесь жило уже около сотни семей, в специально построенном здании работала школа, где занятия велись на эстонском языке.

В 1925 году сельчане объединились в ТОЗ, а в 1927 году создали коммуну «Леек» (свет, пламя). Одними из первых в районе эстонцы завели у себя электричество, радио, трактора, общественную пекарню и столовую.

В первый послереволюционный год учитель Юган Сельтер привез из Tallinna невиданную для наших мест штуку — орган.

По всей видимости, это был первый орган на Алтае.

В двадцатые годы открыли избу-читальню, там были хор, драмкружок, туда ходили всем селом слушать радио.

При переходе коммуны на устав сельхозартели сюда председателем был направлен двадцатипятилетний — ленинградский рабочий Владимир Константинович Вейсман. В буржуазной Эстонии за революционную деятельность попал в тюрьму. В 1924 году бежал, пробрался через границу, принял советское гражданство. В Ленинграде работал литейщиком. Последнее обстоятельство и сыграло решающую роль. Новоявленный председатель, видя постоянную нужду в запчастях к сельхозмашинам, в бытовых изделиях, загорелся идеей: наладить литейное дело здесь — в пятидесяти верстах от железной дороги, в сугубо сельской местности. Он завел связи с «Промметалсоюзом» в Новосибирске, добился регулярной поставки отливки, угля, оборудования. Из Ленинграда заманил специалистов-литейщиков, и дело закипело. Рядом с литейкой появилась механическая мастерская. К 1934 году здесь работали уже полторы сотни человек. Покрыв свои нужды, стали обеспечивать и более сложные вещи: ежемесячно выпускали 25 токарных станков, 15 пилорам, ну и упоминавшиеся уже плиты, сковородки, вьюшки, котлы, утюги. В 1937 году это производство отделилось от колхоза и вместо марки «Леек» на изделиях появилась надпись: «Промартель «Алтайский металл»».

Когда в 1935 году был создан Белоглазовский район, в который вошла «Эстония», парторганизация колхоза была самой крупной в нем.

Страшный удар по артели и всему селу нанесли репрессии. Осенью 1937 года здесь была «разоблачена» троцкистско-бухаринская банда.

Из постановления Белоглазовского райкома ВКП(б): поручить начальнику РО НКВД «принять срочные меры по расследованию и изъятию контрреволюционных элементов в «Эстонии».

Отдел посяртался и учинил настоящий погром села: было арестовано около 70 человек. В их числе один из первых комсомольцев села В. Мяги, бывший партизан и

первый коммунист села О. Круль, парторг А. Хубель, заведующий мастерской К. Сирге. Вслед за ними пошел и руководитель артели К. Вейсман, арестованный в Новосибирске, где он находился на учебе. Никто из них не вернулся. (В 1958 году все они реабилитированы.)

Артель без специалистов зачахла, влачила жалкое существование в войну. В пятидесятые годы попытались спасти оборудование, размонтировали, перевезли в райцентр Белоглазово с намерением возродить там производство, но ничего не вышло.

Так был погашен еще один очаг народной инициативы.

Работники Шипуновского районного музея И. И. Фомченков и Г. И. Никульшин приложили немало хлопот для восстановления истории села и артели, вели переписку с оставшимися в живых эстонцами-земляками. В апреле—мае 1988 года Г. И. Никульшин опубликовал в районной газете «Степная новь» объемный материал, который частично использован здесь.

Теперь мы подошли к причинам усыхания родников народного творчества, так быстро забивших после революции.

В наше время, наблюдая то, что происходит с сельским хозяйством края и страны, нельзя не задать вопроса: как укоренилось и стало господствующим отчуждение крестьянства от тех форм жизнеустройства, которые оно создавало, рвалось к ним, страдало и вот бежит от них, или терпеливо сносит, как наказание божье.

Если говорить о кооперативах и коммунах, то главная причина в коренном изменении вектора целей их существования. Создавались они людьми и для людей, которые в них объединялись. Они стремились улучшить свою жизнь, освободиться от эксплуатации, от работы на «дядю». А административно-командная система долго разворачивала, развернула-таки эти коллективы к другой цели — максимальному обеспечению продукцией «государства». Эта «линия» в послевоенное время была доведена до своего апогея, абсурда, когда колхозник для себя мог только украсть самим выращенное, эксплуатация его стала почище рабской, ведь хозяин раба был обязан его кормить, а колхоз и государство на себя такой обязанности не брали. Знаю это не понаслышке. Сам работал от темна до темна, а в страду и в ночную без выходных и отпусков. И труд этот никак не оплачивался.

Сейчас пишут и говорят: виновата сама коммунистическая, коллективистская идеология.

Латвийская газета «Советская молодежь» пишет: «Одна из главных задач, стоящих перед народными депутатами Прибалтики и средств массовой информации, — деколлективизация сознания крестьян».

В этой идее поражает то, что история администраторов и партocrats ничему не учит.

Физическое или духовное насилие, навязывание, вдалбливание нежизнеспособных идей не только неэффективно, но и бесчеловечно.

Можно заставить человека делать что-то, но невозможно его принудить трудиться творчески, с душой, а значит, высокопроизводительно ради голой идеи.

Насилие убивает социальное творчество. Оно способно только дискредитировать саму идею, будь то коллективизация или деколлективизация.

В принятой на втором съезде программы большевистской партии, с которой она пришла к победе Октября, было записано требование:

«Отмена всех законов, стесняющих крестьянство в распоряжении его земель».

Это коренное положение не реализовано до сих пор.

Выше говорилось об изобретении рабочими и крестьянами необычайно разнообразных форм кооперации. И поначалу оно поддерживалось и партией, и государством.

Но вот уже в 1925 году появляются документы, вроде вот этого циркуляра Барнаульского окружкома, который ставит перед партийными органами задачу «содействовать своей работой разрушению предрассудков и предрешений в среде крестьянства против крупных коллективов».

Вместо того чтобы прислушаться к мнению крестьян — планируется разрушение.

Но проходит год, другой, а «предрешения» не разрушаются.

Тогда вступают в действие сталинские методы.

Генетическим пороком сталинской идеологии была система упрощений, выпрямления в «линию». Вождь не уставал повторять: это аксиома марксизма и кто думает, или, еще хуже, действует иначе, тот враг, недоумок, и, если он не сдастся, «не выпрямляется в линию», его уничтожат.

Судьба кооперативного движения и коллективизации на Алтае — свидетельство политики на сведение многообразия социальных поисков к одной линии: к 1934 году из всего многоцветного спектра разнообразных трудовых содружеств сохранились только колхозы и промартели.

Между тем науке давно известно: гарантия устойчивости любой системы, общества, вида растений или животных — многообразие их проявлений.

Пережив страшную эпоху унификации, господства социального прокрустового ложа мы наконец и в политике приходим к пониманию этой, казалось бы, простой мысли, подсказанной историей и природой общественных отношений.